

**Сибирский эксперимент
в истории советского академического сообщества:
бытовой и гендерный аспекты***

Наталья Пушкарева

Александр Жидченко

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия

**The Siberian Experiment in the History
of the Soviet Academic Community:
Everyday and Gender Aspects**

Natalya Pushkareva

Alexander Zhidchenko

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article studies a unique page in the history of Soviet academic life, the attempt to create especially favourable living conditions for scientific work in the Novosibirsk Akademgorodok (literally, Academic Town) as reflected in the memory of its first settlers in the 1950s-1960s. The details of their everyday life, such as living in panel barracks, family self-organisation for supplying and providing food, caring for and educating children, and organising cultural life receive new meanings within the framework of “everyday life studies” and gender anthropology. Having processed memories, personal correspondence kept in the Open Archive of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

* Поддержано грантом РНФ 22–28–01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма».

** *Citation*: Pushkareva, N., Zhidchenko, A. (2022). The Siberian Experiment in the History of the Soviet Academic Community: Everyday and Gender Aspects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 593–611. DOI 10.15826/qr.2022.2.690.

Цитирование: Pushkareva N., Zhidchenko A. The Siberian Experiment in the History of the Soviet Academic Community: Everyday and Gender Aspects // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 593–611. DOI 10.15826/qr.2022.2.690 / Пушкарева Н., Жидченко А. Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 593–611. DOI 10.15826/qr.2022.2.690.

video materials, and press data, the authors try to prove that the creators of Akademgorodok did their best to avoid formal restrictions imposed on women's professional self-realisation. Also, the authors seek to answer whether a scientific career was an end in itself for women, to what extent it was possible to go through the "glass ceiling" (which was stronger at higher levels of the career ladder and much easier to break at the beginning), and how desirable the prospect of professional growth was for women in an exceptional domestic environment. On the basis of oral and written testimonies left by the women scientists who lived and worked in the Akademgorodok, the article recreates the picture of changes in everyday life, their impact on scientific work or the formal presence of women in the Novosibirsk academic community, and on leisure and recreation for their families. It also analyses the social infrastructure and the colour of cultural life that contributed to (and sometimes opposed) women's professional growth. The multiple differences in the living conditions of women scientists in the early history of Akademgorodok appear to have caused differences in the life and professional strategies of those from those in the capital: their desire to save their marriages, play the role of housewives, and, in the families of famous and high-status scientists, to perform representative functions. The authors believe that the above patterns impeded the development of women's scientific careers for reasons no other than a special spirit of collectivism and quasi-family mutual support in an atmosphere where there was no need to think about personal academic ambitions. Most of the scientists' wives and the scientists themselves worked without setting ambitious goals of conquering the academic Olympus, nor they did admit to dreams of moving to the capitals or research centres abroad. Having lived all their lives in the Akademgorodok, they turned out to be the main keepers of the historical memory of the everyday changes in the scientific city, the creation of which could not be repeated either in Troitsk near Moscow or much later in Skolkovo.

Keywords: gender, anthropology of everyday life, everyday life, Akademgorodok, academic community, social memory

Рассмотрена уникальная страница в истории советской академической жизни – создание особо благоприятных для научной работы бытовых условий в новосибирском Академгородке, какой она запечатлелась памятью первых его поселенцев 1950–1960-х гг. Детали их обыденности – проживание в щитовых бараках, семейная самоорганизация для снабжения и обеспечения едой, уход за детьми и их воспитание, организация культурной жизни – получают в рамках «повседневноведения» и гендерной антропологии новые смыслы. Обработав воспоминания, личную переписку в Открытом архиве Сибирского отделения РАН, видеоматериалы и данные прессы, авторы показывают, что создатели Академгородка всеми силами старались избежать формальных ограничений в профессиональной самореализации женщин. Но была ли для них научная карьера самоцелью, насколько было возможно преодоление «стеклянного потолка», насколько важна была перспектива профессионального роста в обстановке исключительной бы-

товой устроенности? На основании устных и письменных свидетельств, оставленных женщинами-учеными, жившими и трудившимися в городке, в статье воссоздана картина перемен в быту, определено их влияние на процесс научной работы, содержание досуга и отдыха их семей, проанализированы социальная инфраструктура и тот колорит культурной жизни, который способствовал (а иногда противостоял) профессиональному росту женщин. Множественные отличия условий быта женщин-ученых в начальной истории Академгородка предстали причинами иных, нежели в столице, жизненных и профессиональных стратегий – их стремления сохранять брак, исполнять роль хозяек, а в семьях известных и статусных деятелей науки – поддерживать представительские функции. Авторы полагают, что перечисленные паттерны оказались факторами сдерживания роста научной карьеры для женщин в не меньшей мере, чем особый дух коллективизма и квазисемейной взаимоподдержки, когда не надо было задумываться о личных научных амбициях. Большинство жен ученых и сами научные сотрудницы трудились, не ставя амбициозных задач ранней защиты докторских диссертаций и покорения академического олимпа, не признавались в мечтах о переезде в столицы или в научные центры за рубежом. Прожив всю жизнь в Академгородке, они оказались основными хранительницами исторической памяти о переменах в бытовой жизни наукограда, ранней истории его повседневности, повторить опыт создания которой ни в подмосковном Троицке, ни много позже в Сколково уже не удалось.

Ключевые слова: гендер, антропология повседневности, быт, Академгородок, академическое сообщество, социальная память

Соревнование СССР и США в борьбе за технологическое превосходство поставило вопрос о том, что для исполнителей научного прорыва необходимо создать особые бытовые условия. Если в США центром создания особого анклава стали Кремниевая долина в Южной Калифорнии и расположенный там Стендфордский университет, то в СССР таким местом неожиданно для многих стала Сибирь.

Осенью 1957 г. Бюро ЦК КПСС специальным постановлением поддержало инициативу академика М. А. Лаврентьева о создании на берегу Обского моря в 30 км от Новосибирска наукограда – Академгородка. В нем вели исследования более чем по 500 научным темам 11 академиков, 40 членов-корреспондентов Академии наук, полторы сотни докторов наук и более полутора тысяч кандидатов [Гордиенко]. Но в имеющихся публикациях «женский голос» практически не слышим, в недавнем издании авторы проанализировали этапы создания научных школ и пересказали несколько женских научных биографий, но почти не коснулись истории женской научной и внеучной повседневности [Запорожченко, Шелегина]. Прояснить женский вклад в создание особой атмосферы городка можно, обратившись к письмам, интервью, воспоминаниям женщин, ставших первыми его на-

сельницами. В эго-документах подробно представлено пространство предметного мира и переживаний, связанных с обыденными практиками академического сообщества. Данные местной и центральной печати, визуальные источники, художественные произведения – все это делает картину жизни, запечатленную женской социальной памятью, достаточно полной и объемной.

В жизнеспособность идеи переселения ученых из Москвы, Ленинграда, Казани, Киева в неосвоенную сибирскую тайгу не верили поначалу даже в ЦК КПСС. Рассказывали, что иные из приглашенных к переезду отказывались, ссылаясь на жен: «Я-то согласен, но моя жена – ни в какую!» Примечателен сохраненный молвой ответ академика-геолога А. А. Трофимука на такие сомнения: «В Сибири много прекрасных женщин, они смогут вам заменить неговорчивую супругу!» [Трофимук, с. 14–15].

Из прибывших в конце 1950-х гг. по объявленному призыву более 60 % составили мужчины, 14,5 % – «прибывшие по семейным обстоятельствам» пары, 18 % – одинокая молодежь» [МУ Горархив. Ф. 33. Д. 16. Л. 3], привлеченная «духом авантюризма и холодком неизвестности» [Ермиков, с. 21]. Строящийся поселок сразу стал локусом смешения социальных страт, совместного проживания молодых научных работников и рабочих-комсомольцев «Сибкакадемстроя» [Дерибас, с. 11]. Все селились в палатках, первые зимы провели в щитовых домиках; «мужественно терпели» во имя будущего: планировалось построить 100 коттеджей и 250 четырехквартирных домов малой этажности [Качан]. Самих ученых поначалу было немного; слишком труден был быт, особенно зимой: «Снегу было так много, что иногда поутру невозможно было открыть входные двери. Их открывали, и мужчины, а иногда и женщины разгребали снег на дорожках, ведущих к дровам, к куче угля, к столовой, к производственным помещениям» [Марчук, с. 14].

На новое место потянулись аспирантки, одинокие самостоятельные научные сотрудницы с учеными степенями, члены семей научных работников. Отказывались уезжать имевшие в столицах взрослых детей и внуков, которых, по российской традиции, не хотелось оставлять [Кочина, 2000, с. 216; Кочина, 1974, с. 164]. Для женщин больше, чем для мужчин, имел значение фактор родственного примера. Экономист Т. И. Заславская уехала из Москвы в Сибирь в 1963 г. и писала оттуда сестре, лингвисту М. И. Черемисиной, такие восторженные письма, что и та согласилась перебраться и потом навсегда осталась в Сибири [Шестакова].

Лесную низину, в которой стояли финский домик М. А. Лаврентьева, часть коттеджей и помещение, служившее столовой, а вечером – кафе, предназначавшееся позже в том числе для приема именитых гостей городка и получившее название Дома ученых², поселенцы

² Лишь когда построили большой Дом ученых в 1967 г., старый стал называться малым Домом ученых.

назвали Золотой долиной. Это место для первопоселенцев Академгородка стало знаковым, поскольку именно здесь зародилась неординарная научная и творческая атмосфера будущего города ученых. Восторженно описывала это в 1959 г. аспирантка МИСИ Н. А. Притвиц (будущий ученый секретарь СО РАН): «...Столицы опустели ныне... / Покинув берега Невы и академии Москвы, / Цвет общества живет в долине. / В прославленной долине той, / Что называют Золотой» [Притвиц, 2017].

Жизнь городка аккумулировала черты будущего наукограда – корпоративность, творческую атмосферу, перенесение научного мышления в бытовой и жизненный обиход, некую замкнутость сообщества. 1,5 тыс. гектаров сибирского леса создали пространство новой научной повседневности, ощущаемое как «оазис свободы, место, где можно творчески трудиться, общаться с единомышленниками» [Иванова].

Отсутствие магазинов в городке, сложные бытовые условия преодолелись женским энтузиазмом: «закупали все необходимое коллективно», в баню «воду ведрами таскали из Зырянки и печи топили собственноручно заготовленными дровами» [Ибрагимова, Притвиц, с. 344; Титов, с. 39]. По дворам в начале 1960-х на всем протяжении Морского проспекта возили вкусный белый хлеб в «тележках» и молоко во флягах. Колоритная тетя Валя кричала пронзительным громким голосом: «За молоком! Кому молока?» Она же разливала свежее молоко по бидонам. Где-то в 1963 г. хлеб и фляги перекечевали в магазины в начале (дом 1) и в конце Морского (дом 54), туда же, где кафе «Улыбка», в которое сбегались аспиранты, студенты и вообще всякий люд. В 1964 г. за хлебом там выстраивались огромные «хрущевские» очереди – авантюра с кукурузой привела к нехватке пшеничной муки. Мылись в душевых, о них женщины вспоминали с теплотой: там «была замечательная акустика, и мы с подружкой, любительницы романсов, использовали это... Наши голоса звучали, отражаясь от кафельных стен, и у нас появились поклонницы, которые, собираясь уходить, но увидев нас, снова раздевались и шли с нами» [Г. М.].

Большой сложностью для женского быта в Сибири оказалось отсутствие роддома, ясель и детсадов [Вильток]. «Семейные сотрудники институтов не понимали, что им делать. Как работать, как жить. У подавляющего большинства не было бабушек, и детей не на кого было оставить». Первый детский сад устроили по инициативе В. Е. Лаврентьевой – «бабы Веры», она покупала туда на полученную ее мужем-академиком госпремию одеяла и простыни [Качан; Баба Вера]. Сад существовал в одном из барачков, «поскольку жены тоже хотели работать, а не сидеть дома» [Лаврентьев].

Пока в городке не открылись кафе, женщины кормили по воскресеньям обедами холостых коллег своих мужей [Вишневский]. Они же наладили систему снабжения через стол заказов и выдачу талонов всем, включая студентов в общежитиях, определили очередность права на покупку натурального молока и т. п. [Г. М.; Жаркова].

Такого рода трудности «сибирские академины» (как их назвали позже) считали терпимыми, поскольку воспринимали городок как «остров свободы», ощущали отделенность от столичной и партийной бюрократии: «мы жили на свободе; свобода творчества и свобода жизни – это взаимосвязано... можно было говорить и писать то, что не допускалось в других местах» [Притвиц, 2017].

Прибывшие были молоды, и жизнь их была неотделима от музыки и движения, на которые оставались силы и время даже после рабочего дня. «Кроме джаз-оркестра, по воспоминаниям замдиректора ДК “Академия” Марии Григорьевны Бакакиной, на площадке часто в обеденное и послерабочее время можно было увидеть танцующие пары – строители Академгородка приносили на площадку патефон, ставили пластинки и приглашали девушек танцевать – отказов не было» [Анисимова].

Большую часть времени жительницы городка работали, многие из них сами были научными сотрудницами или выполняли близкую к научной сфере работу в административном аппарате НИИ [Волдарская, Разина; Заславская, 2012]; хоть и «не все сумели найти на новом месте подходящее занятие, одни сделались только женами, матерями и помощницами мужей, другие работали в редакции журналов» [Кочина, 1974, с. 164–165]. В 1963 г. в Академгородке открылся Новосибирский государственный университет, где также многие жены ученых нашли работу. Уборку квартир после рабочего дня все жительницы сибирского наукограда делали сами, в отличие от московских товарок (жен столичных именитых ученых), часто пытавшихся переложить этот труд на домработниц. Значимую часть пространства их женского быта занимали культурные артефакты прошлого, настоящего и будущего. Так, щитовой домик академика П. Я. Кочиной был «обставлен причудливой смесью из чешского гарнитура “Аллон” и ящиков из-под яиц, апельсинов и химреактивов, в которых приехал багаж» [Притвиц, 2002]. Подобный интерьер был и у Лаврентьевых: гостиную, спальню, рабочий кабинет дополняла «утепленная веранда – добавка к избушке со множеством комнатных растений, которые хозяйка явно предпочитала гарнитурам и “стенкам”» [Ибрагимова, Притвиц, с. 344]. В этих домиках супруги ученых и сами научные работницы готовили и отмечали вместе праздники, встречались на воскресных обедах [Вишневский]: «семейные и холостые, хорошие или плохие, мы все бываем часто в нем, и все мы любим этот дом, где скучных церемоний светских, по счастью, и в помине нет». Стульев на всех не хватало, молодежь рассаживалась «на полу, на шкуре, что лежит в углу», и «пела песни, иногда тут же сочиняемые» [Кочина, 2000, с. 212–216]. Общей формой проведения досуга был тогда и совместный просмотр телепрограмм: «в 1959 или 1960 году супруги П. П. и Н. И. Белинские купили телевизор «Темп-3», по нему шла только одна программа. Смотреть фильмы к Белинским собиралась вся городковская молодежь, будущие доктора и академики» [Дерябина, Назаренко].

Особый дух свободы, который был типичен для Академгородка, поддерживался обсуждением на этих встречах информации «разноязычных радиостанций “свободного мира“»; те из жен, кто, как и В. Е. Лаврентьева, владели иностранными языками, «воспринимали информацию взволнованно, критично, насмешливо», кратко пересказывали услышанное [Ибрагимова, Притвиц, с. 344].

Трудно представить иной город в СССР даже времен оттепели, в котором бы на Первомайском шествии впереди демонстрантов «были не флаги и транспаранты, а молодые мамы с колясками, в которых ехали первые новорожденные Академгородка» [Рыцарева]. Это пространство коллективного «мы» было столь значимо для женщин, оказавшихся в Сибири со своими учениками и единомышленниками (таких, как математик П. Я. Кочина или экономист Т. И. Заславская), что могло оказаться значимее комфорта. Оно «объединило всех в сообщество, в котором пироги и кофе стали общими, как постоянная взаимовыручка – неотъемлемой частью быта», впрочем, как и бытовая вражда, сплетни и кухонные споры, что неизбежно при постоянном замкнутом общении [Г. М.; Л. С.].

Жившие научной коммуной не жаловались на отсутствие приватности. В сфере повседневности этих женщин объединенность была желаемой, а не навязанной, ведь мемуаристки рассказывали о днях молодости, и позитивное запомнилось лучше, чем травмировавшее. В праздники, по их словам, двери не запирали, ходили с поздравлениями, местом общения была лужайка: «однажды Наташа Притвиц позвала встречать Новый год на природе. Расчистили в лесу местечко, повесили гирлянды, провели свет... незабываемо!» [Дерябина]. Очевидицы вспоминали, что после приезда в 1959 г. в наукоград Н. С. Хрущева, распорядившегося о строительстве двухэтажных коттеджей для академиков, те остались в старом домике; журналистка З. Ибрагимова отметила, что «излишество площадей, нарочитая комфортность тяготили первую леди, лишенную нуворитетской тяги к роскоши, к вызывающей демонстрации благополучия» [Ибрагимова, Притвиц, с. 344]. Позже среди женщин оказалось немало тех, кому переезд в Сибирь сулил просторные квартиры рядом с прекрасно снабжавшимися магазинами и возможность сменить «низкое небо и застойную атмосферу» на «город-новостройку, где можно быстро получить квартиру и устроить жизнь по душе», и это поманило многих [Зверева].

Т. И. Заславская, в 1963 г. – молодой кандидат наук с двумя дочками, переехала в Академгородок по известным причинам: «безденежье, теснота, ограниченность времени для работы». Но, поскольку в Сибири тогда действовала негласная установка на ускоренное продвижение в действительные члены и академики АН СССР [Кочина, 2000, с. 212–216], в 1965 г. она уже защитила докторскую, создав новый курс экономической социологии, а в 1968 г. стала членом-корреспондентом АН СССР [Аганбегян, с. 13–14].

Контраст неустроенного быта и возможностей, которые были недоступны советским людям, но желанны [Gestwa], явила поездка в 1961 г. во Францию делегации ученых Академгородка [Век Лаврентьева, с. 140–141]. На том, чтобы в делегации были аспирантки, настояла В. Е. Лаврентьева («насколько это важно для молодежи, особенно нашей, живущей в такой глуши») [Ибрагимова, Притвиц, с. 344; Лаврентьев, с. 143]. Обыденность вспоминаящих о тех временах З. М. Ибрагимовой и Н. А. Притвиц стала конструироваться под влиянием впечатлений от другой, благоустроенной страны, тем более, что с 1961 г. в городке начался второй этап освоения пространства — жизнь в новых капитальных домах [Из истории, с. 34]. Часто заселение шло путем создания коммуналок в трехкомнатных квартирах (в них заселяли по две семьи, каждой – по комнате плюс общие столовая и кухня), но впоследствии их быстро расселяли: «Пройдешь по квартире – простор, есть, чем дышать», – писала Т. И. Заславская сестре [Вильток; Коллекции, 1963, 29 дек.]. «Скромные бытовые условия казались раем, ведь страна тогда стонала от бараков и коммуналок» [Зверева].

Под новые «малогабаритки» поставлялась соразмерная мебель; когда средств на ее покупку не хватало, почти нормой была беспроцентная помощь деньгами молодым семьям их коллег – профессоров и академиков [Петров]. Первыми получали новое жилье семейные, но и холостяки «знали: ждать ордера придется недолго» [Вишневский, с. 30]. Новые дома ставились рядом с НИИ, образуя зеленые дворы с площадками для сушки белья, отдыха и игр, с открытыми автостоянками. Множество навесов, беседок, скамеек позволяло создать особую среду общения, в каждом микрорайоне имелись свой Дом быта (в котором были магазины, парикмахерская, почта, сберкасса, прачечная), школа, детсад, клуб [Нагорянский, с. 33]. И все было «не провинциальное и не московское, а свое, особенное!» [Коллекции, 1963, 12 марта].

Интерес к обыденности в женской памяти иллюстрируют воспоминания о «механизации» детских кроваток. Так, В. Минин «приспособил к кроватке своих близнецов моторчик, и дети физика укачивались с помощью электроэнергии» [Притвиц, 2002]. В то время, как в Москве и Ленинграде в большинстве квартир стояли газовые плиты, жительницы городка, побывав во Франции, настояли на электрических [Николаев, с. 39].

Реконструкцию типовой квартиры ученых, проживавших здесь в 1960-е гг., можно увидеть в открытом в 2014 г. «Интегральном музее-квартире новосибирского Академгородка». Письменный стол, кресло, швейная и пишущая машинки – неотъемлемые атрибуты жительниц сибирского наукограда. На фотографиях – бесчисленные сувениры, привезенные из редких в те годы командировок за рубеж. Рядом – кино- и диапроекторы, телефонные и фотоаппараты, фены, утюжок для брюк с раздвоенным нагревательным элементом «Стрелка», лыжи, подшивки журнала «Работница»... В этот музей отдали свои платья, блузки, шляпки те, кто создавали этот мир более полувека назад, про-

демонстрировав, во что они одевались для официальных мероприятий. Тут же коричневые платья школьниц 1960-х, белые и черные фартуки к ним, коллекции книг с автографами А. Галича, Н. Эйдельмана, Л. Копелева, Б. Окуджавы – всех, кто посетили городок благодаря неутомимой энергии в том числе женщин-организаторов из клуба «Интеграл» и других энтузиастов [История музея].

Просмотр старых фото убеждает: переехавшие в середине 1960-х гг. в отдельные квартиры сохраняли тягу к прежним посиделкам. Шаг от коллективизма к приватности делать захотелось не всем; повседневность каждой семьи была поначалу у всех на виду, но она трансформировалась постепенно в пространство обычных поселений, сохранявших привычные шестидесятникам дружеские связи. Прозрачность коммуникативной среды делала каждого жителя видимым на «сцене жизни»; одних это тяготило, ведь каждое действие вольно или невольно оценивалось; другие воспринимали это позитивно, и старым практикам не мог помешать даже экспонентный рост числа приехавших; старожилы передавали новичкам привычку существовать открыто: «Едва ли не все “городковцы” дружили семьями, на дверях квартир можно было увидеть записки: “Просьба не звонить – спит ребенок. Ключ под ковриком”»; «Все двери были открыты, нигде не нужно было стучаться» [Вишневецкий; Дерябина, Назаренко].

Свою роль играло то, что прибывавшие не искали места работы, а уже оказывались прикрепленными к НИИ, где старшие брали младших под опеку [Ибрагимов, Притвиц, с. 119]. Девушек в технических науках становилось все больше; даже не строившие научной карьеры, они оказывались вовлеченными в культурную жизнь городка [Ямпольская; Балакина]. Единицы были подобны П. Я. Кочинной и Т. И. Заславской; последняя признавалась сестре: «о, вечное наше пристанище – работа, она одна укрывает и от мужа, и от любовника!» [Коллекции, 1964, 22 окт.]. И если безусловные профессиональные амбиции среди женщин проявляли редкие научные работницы, все свободное время отдававшие науке, то «обычные люди ходили по гостям» или часто принимали друзей у себя. Пение лирических песен под гитару стало тогда и в столицах, и в Сибири маркером перемен, как стремление самовыразиться в домашних стенгазетах вроде «Смеханики» – знаком нового образа повседневной жизни [Рыцарева].

Особенностью повседневности сибирских научных работников (и не только академиков) были практики приема в обычных квартирах именитых политиков и деятелей культуры. Например, А. А. и Е. И. Дерibas гостеприимно предлагали ночлег всем прибывшим и старались сделать свой дом «витриной социализма», как шутили хозяева. «Ким с Якушевой, Городницкий и другие известные барды», «Герасимов, Береговой и Нейл Армстронг» – кого только не видели эти стены, вспоминала дочь ученых А. А. Дерibas, оказавшаяся в 1958 г. первым ребенком, родившимся в Академгородке [Дерibas].

Готовность к тому, чтобы принять гостей, накрыть стол, а потом прибраться в квартире после посиделок была нормой; как бы ни утомлялся такой стиль жизни, он был привычным. Желанием оправдать затраченное тогда время и усилия объясняются в воспоминаниях «списки» бывавших у разных хозяек знаменитостей. У математика И. Н. Векуа часто пела солистка новосибирской оперы Л. В. Мясникова, у кибернетика А. А. Ляпунова – ранее отбывавшая в Сибири ссылку пианистка В. А. Лотар-Шевченко, по приглашению жены создателя линейного программирования Л. В. Канторовича выступал А. И. Райкин, а гостем математика П. Я. Кочиной был поэт А. А. Вознесенский. Домашние вечеринки не исключали участия женщин-ученых и просто жен в приемах официальных делегаций; в 1959 г. сюда приезжал Р. Никсон, в 1967 г. – Шарль де Голль, в 1968 г. – И. Б. Тито. Теплота и дружелюбие семейных застолий, успешность сибирских академик как хозяек (которые и сами были значимыми личностями) так или иначе работали на позитивный имидж советской науки [Визит французов в Академгородок].

Занятые целый день в институтах, жены ученых и научные сотрудницы, живя близко от работы, имели время, чтобы расти профессионально и духовно, иные могли иметь и имели водительские права (хотя ни у кого из гуманитариев своей машины в 1960-е не было, а директорам полагались служебные). Тем не менее, журналисты заметили женщин за рулем («голубоватый «Москвич-407» слушается руки своей хозяйки беспрекословно») [Нагорянский, с. 34–35]. Ближние и дальние путешествия на машине были там, однако, мало, кому нужны; дети росли неотделимо от родителей-ученых: «ребятишкам было раздолье – летом они искали приключений среди отцовских приборов, а зимой катались с горок и устраивали лыжные экспедиции» [Первый].

Легко решался и вопрос о присмотре за детьми: «один институт выделял 3-комнатную квартиру, другой нанимал няnek, закупал холодильник, строил манеж» [Петров]. «Средний возраст жителей был близок к юности, модной была поговорка “ходить по колено в детях”» [Анисимова], «общегития кишмя кишели детворой, а коридоры и холлы были заставлены детскими колясками» [Г. М.]. Впоследствии одну из улиц городка так и назвали – Детский проезд; рядом там были и детсад, и школа. В 1960-е гг. женщины городка самоорганизовались в группы, нанимавшие одну няню для нескольких детей, а иногда сами по очереди играли и гуляли с ними (15 садов по 150 мест были переполнены) [Ибрагимова, Притвиц]. Безопасность детей была абсолютной; приехавшие из Саратова супруги сотрудники Института геологии и геофизики И. А. Олли и Р. С. Родин спокойно отпускали свою 5-летнюю дочь Алену одну в детский сад: он был недалеко от дома, где они жили [Олли, Романова]. «Идея научной элитарности как основы построения нового общества работала на судьбы двух, иногда трех поколений, но потом бесповоротно себя изжила» [Л. С.], – дети бывших строителей обучались вместе с детьми ученых, получавших

образование в «элитных» школах. Кстати, женщинам-ученым с детьми-школьниками справляться было нелегко; Т. И. Заславская жаловалась в письмах на то, что заниматься детьми не успевает, в дневниках у них двойки, а «поимка рабыни» (домработницы) невозможна: в Москве – по причине экономии, в Сибири – по причине отсутствия такой практики [Коллекции, 1961, 16 окт.].

Быстрое, удобное для большинства принятие решений, корпоративность и сходство образа жизни и бюджетов времени женщин Академгородка очевидно облегчали быт: «тебя всегда выручат в любое время дня и ночи, “не откладывая на ум”, кто, кому и сколько должен», – все жили рядом, деньги занимали друг у друга... С благодарностью вспоминались прекрасное снабжение и разумное размещение магазинов: «По дороге в долину – два магазина; не могу привыкнуть к виду витрин с манекенами в окружении леса». Снабжение в городке было неизмеримо лучше, чем в Новосибирске, где, «как и по всей нашей стране повального дефицита, полки магазинов пустовали» [Г. М.].

После показанного в 1966 г. фильма английской BBC «Сибирь: великий эксперимент», снимавшей супермаркет в Академгородке, в котором покупались иностранные консервы, вишневый компот и шоколадный пудинг, стало ясно, что о городке слагают особую историю повседневности [Сибирь: великий эксперимент; Веблен]. Превращение городка в «витрину социализма» было частью проекта идеального быта ученых, и быт реальный отличался от быта жителей множества советских городов по крайней мере до середины 1970-х гг. В дефиците были разве что модные вещи («Ученый мир попер, как на буфет, из-за подштанников подрались доктора», – запомнила одна из жительниц строчку веселой песни из институтского капустника) [Павлова, с. 175].

Почти до начала 1980-х гг. академины сохраняли дух свободы научного поиска, общения и культурной жизни начала 1960-х. Они по сей день вспоминают о вечерних встречах в клубах («после боя курантов бежали туда, не было билетов, все бросали вещи у входа, собирались в спортзале и продолжали веселье»), о знаменитых кафе «Под интегралом» и появившемся после публикации в 1965 г. повести Б. и А. Стругацких «НИИ Куда», о танцевальных залах (прообразах дискотек). Ученые дамы осваивали все виды творчества: сочиняли стихи, песни, увлекались фотографией, коллекционированием, флористикой и практической психологией, создав клуб «Научите меня жить» [Зверева]. При этом они успевали писать кандидатские (реже – докторские) диссертации, работали в литературном клубе «Гренада», клубе авторской песни, увлекались киноведением при киноклубе «Сигма», проводили досуг в танцклубе «Терпсихора» и в ансамбле дома культуры «Академия» [Заславская, 2007; Дерябина, Назаренко; Виттих, с. 167]. Перечисленные названия – говорящие; они выразительно характеризуют образовательный и культурный уровень их создательниц. Жившие в то время в наукограде полны воспоминаниями о насыщенности досуга, помнят подробности скандала с портретами певца Э. Пресли,

которые собирались нести на демонстрации учредители джаз-клуба, первые выборы «Мисс интеграл и ее производных» («в стране тогда еще не было конкурсов девушек, и поэтому те выборы казались чем-то необычным») [Качан]. В памяти респонденток – слова песен иностранных звезд, чьи записи в СССР были труднодоступны, а там их пластинки покупались. Сотрудница Института прикладной физики Н. Малых вспомнила, как «праздновали чей-то юбилей на квартире», и ей досталась роль поздравителя от марсиан-пришельцев: «На голову натянули противогаз, в рот я додумалась взять свисток», кто-то взялся «переводить такую речь» [Воспоминания].

Роль средоточия разнообразной внеаучной деятельности СО АН играл и Дом ученых, открытый в 1967 г. Научные сотрудницы нескольких НИИ превратили его сцену в желанное место выступлений – «от закрытых кинопоказов до коллективных приемов столичных театров» [Маттрос]. Здесь в 1970-е отвергали сталинизм и предлагали вернуться к истокам Великого Октября, по вечерам танцевали твист, пели песни А. Галича [Миндолин, с. 170], устраивали неформальные встречи.

Местом коллективного досуга были «прекрасная зеленая зона, рядом Обское море», пограничье с «красивейшим ботаническим садом». Занимались спортом, ходили по грибы и по ягоды («столько было рыжиков там, белых грибов и брусники») [Время свободомыслия; Олли, Романова], а для сторонниц более цивилизованного отдыха – рядом с очередным институтом, «во внутреннем дворике под ярким зонтиком, около бассейна с фонтаном» можно быть забыты «о резко континентальном климате Новосибирска» [Нагорянский, с. 34].

Зимой молодые сотрудники институтов прокладывали лыжню далеко вглубь леса, а вдоль дороги катались целыми семьями [Дерябина, Назаренко], женщины катались наравне с мужчинами: «После лыж заявлялись к кому-нибудь на квартиру, начинали лепить пельмени, чистить картошку и обязательно пели» [Олли]. Популярными были коньки, санки и даже купание в проруби (если верить пропагандистскому фильму для ВВС) [Сибирь].

Жизнь наполняла ощущением перспективы, учила умению работать в команде, ставить цели и достигать их, являла примеры достижимости финансового благополучия в случае успеха. Семьи профессоров привыкали к просторным квартирам четырехэтажных домов в центральной зоне (две квартиры на этаже). Это и отдаленно не напоминало московские «хрущевки». Семьи член-корроров и академиков могли рассчитывать на двухэтажные коттеджи в «Золотой долине». Личные автомобили, поездки за рубеж на конференции и конгрессы (в статусе жен участников), прием именитых гостей, «докторский» стол заказов с еженедельным отовариванием, относительно высокий размер зарплаты – многое предоставлялось жителям «академического олимпа», и это расслоение отличало их повседневность от быта рядовых научных работников, живших рядом. Но принадлежность к научному содружеству не позволяла

достигнувшим высот кичиться благами, в их воспоминаниях эти нравственные нормы ощутимы.

Как и во всей советской науке, число женщин, выдвинувшихся на ключевые для научных направлений посты, было ничтожно мало. «В городке было несколько пренебрежительное отношение к гуманитариям (что за наука без эксперимента), где традиционно женщины чувствуют себя уверенней, денег и мест выделялось меньше» [Л. С.], многие из женщин и не задумывались о том, что их кто-то или что-то ущемляет, поскольку на первое место ставили не карьеру, а научный поиск. Как и в столицах, бесчисленные «Эли и Вали» мыли пробирки, занимались расчетами, работали операторами ЭВМ, засиживались, когда им предоставлялось машинное время, до двух часов ночи [Притвиц], можно даже говорить о «маргинализации (статусной) тех слоев обслуживающего персонала, где это ценилось, но чей голос был не слышен» [Л. С.].

Отличные бытовые условия, живая общественная жизнь Академгородка незаметно ставили живущих в нем женщин перед нелегким выбором – спокойная жизнь в браке с успешным мужем-ученым или усилия по выстраиванию собственной карьеры. Впрямую о самопожертвовании во имя карьеры мужа никем не говорилось ни ранее, ни даже сейчас. Но сами рассказы о научной повседневности городка убеждают: если женщины были ниже мужей по статусу, то налаженный семейный быт и интересный досуг диктовали желательность стабильного брака. Они же и оказывались тормозом в женской карьере (не получать ученую степень или звание раньше мужа, не работать денно и нощно во имя научного открытия, не скандалить дома на тему равенства). Все домашние обязанности были, как и в большинстве семей тогда, женскими, а руководящие должности, известность и признание получили почти исключительно мужчины, для которых жены были просто поддержкой и опорой. Отдельные заметные примеры женских научных карьер в Академгородке имеются: П. Я. Кочина стала академиком еще в Москве – и избрание ее в академики было обусловлено непременным переездом в Сибирь; Т. И. Заславская была избрана член-корром в 1968 г., создала в Академгородке свою научную школу, а спустя пять лет покинула его... Но две судьбы женщин-академиков лишь подтвердили правило. Общая статистика СО АН СССР обнаруживает крайне малое число женщин, ставших член-коррами вообще, «при мужьях-академиках в частности» [Сибирские]. Это тренд последних двух десятилетий XXI в.; возможно, мужья создали возможности научного «лифта», помогая женам реализовать научные амбиции. Обратный пример семейной жизни – когда жена сделала карьеру быстрее мужа – один: Т. И. Заславская была уже доктором, потом членом-корреспондентом при муже – кандидате экономических наук; случаев, чтобы муж стал домохозяином при амбициозной супруге, ни в воспоминаниях о 1960-х гг., ни в научной статистике нет. Оглядываясь назад, некоторые из первопоселенок высказывают

убеждение, что «городок стал испытательным полигоном поздних браков и жизни вне брака», поясняя: «Мужчины не стремились жениться, а женщины – выйти замуж. Детей в семьях становилось минимально, и появился частый вариант неполных семей» [Л. С.].

* * *

Стараясь понять бытовую сторону жизни Академгородка как уникального феномена в истории науки, мы ограничились периодом оттепели и несколькими годами после. Во время стагнации «вольница с дискуссиями, выставками и концертами», свободной жизнью науки, как многие считали, закончилась. Правда до 1984 г. случались и студенческие карнавалы, и вольные, в том числе политически, капустники в университете, изредка бывали студенческие маевки с участием зарубежных гостей (в 1978 г. в таковой участвовала дочь чилийского коммуниста Л. Корвалана).

Анализируя бытовую повседневность Академгородка 1950–1960-х гг., запечатленную зорким женским взглядом, мы убедились: это была не просто страница истории академического сообщества, но особая «форма жизни» [Schlögel, S. 17]. Особый мир научного анклава был задуман как мир возможностей для совмещения научной работы и жизни семейной. Корпоративность, дружба, взаимопомощь интеллектуальной элиты формировали особый тип бытовой культуры; речь жителей городка отличалась правильностью и московско-питерскими интонациями; они сразу узнавались в толпе своей некоторой инаковостью. Ограничения, с которыми сталкивались женщины, имели подоплекой не гендерную дискриминацию, а большую традиционность семейных ролей. К тому же инициаторы наукограда приглашали в Сибирь кадры, готовые годами формировать этот научный центр, воспитывая ученых из сибиряков. По неписаным правилам городка предполагалось, что верность ему «оплачена» просторным бесплатным жильем, особым снабжением, разнообразием культурной жизни, свободой идей в научной корпорации. Потому там родилась и не свойственная столичной науке модель женского бытия в научном коллективе: в ней не придавалось значения тому, сама ли женщина известный ученый или только супруга одного, равные или разные с мужем у нее статусы в науке, какова скорость движения по карьерной лестнице. Воспоминания и визуальные материалы 1950–1960-х гг., проанализированные нами, доказали, что в этой «долине свободы» и междисциплинарного общения и женщины, и мужчины имели равные права вложить силы в создание городка, а далее на равных заниматься и наукой, и домом, осуществлять представительские функции на приемах. Однако возможности у каждого пола были все же разные, и вся городская и научная администрация, начальники и те, кто распределяли бюджеты, на 90 % были мужчинами.

Для абсолютного большинства женщин-ученых приоритетом оставалась возможность участвовать в бытовых обсуждениях, и – обговаривая одновременно успехи науки – заниматься воспитанием детей, обустройством быта, чувствуя себя частью научной среды, считая науку скорее профессией, нежели главной целью своей жизни. В этой же среде и с таким же настроением воспитывались и дети в семьях городковцев. Собственный прорыв на научном поприще (быстрее мужа получить степень, звание) мог поставить под угрозу стабильную семейную жизнь, так как мог потребовать долгосрочной командировки в другой город или страну, ожидание от мужа выполнения женской домашней работы или наличия средств для найма домашней помощницы. Однозначно в воспоминаниях представительниц научного сообщества Академгородка это не проговаривалось, но подобное ощущение прочитывается сквозь строки переживаний, отраженных в эго-документах многих женщин.

Важнее гендерного в уникальной «сибирской истории» советского академического сообщества был аспект бытовой – попытка построить не столько град науки с преодоленным гендерным неравенством, а «светлое будущее» в отдельно взятом небольшом анклав. Среди инициаторов проекта стойким было мнение о том, что новые институты и новые направления в науке должны осуществляться новым поколением, не зашоренным старыми идейными ограничителями. Ставка делалась на молодежь, потому в этом ограниченном локусе допускался другой (не сравнимый со столичным) уровень либерализма в высказываниях, создавалась особая художественная атмосфера, кипела культурная жизнь. Дом ученых стал, по воспоминаниям, тем пространством единения, где и участвовали в конференциях, и проводили свободное время, где было не принято говорить о тряпках, мебели или телевизоре, зато можно было – о западном фильме, книгах, сохранении природы, воспитании и научном поиске, где так или иначе, пусть до начала 1970-х гг., сохранялась вера в возможность через науку перестроить всю жизнь в отечестве. Все эти маркеры периода оттепели были настолько же системообразующими при конструировании бытового субстрата жизни «городковцев», насколько соответствовали своему времени, времени социального оптимизма и светлых ожиданий лучшего. Именно в преходящем характере этого явления, временной ограниченности периода стоит искать причины уникальности сибирского феномена и невозможности повторить его опыт позднее.

Список литературы

Аганбегян А. Г. Татьяна Заславская – Ученый с большой буквы // ЭКО. 2014. № 5. С. 5–14.

Анисимова А. Улицы в лицах : Семейный альбом улицы Терешковой и Детского проезда // Академия новостей : [сайт]. 2006. 27 июня. URL: <https://academ.info/news/4663> (дата обращения: 15.08.2021).

Баба Вера // Академгородок.info : [сайт]. 2004. 24 мая. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=14> (дата обращения: 15.08.2021).

Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 368 с.

Век Лаврентьева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. 453 с.

Визит французов в Академгородок // Новосибирский городской фотожурнал : [сайт]. URL: https://vk.com/video-10392020_171038433 (дата обращения: 15.08.2020).

Вильток Я. Первый малыш Академгородка // Наш городок : [сайт]. 2010. 02 дек. URL: <http://academgorodok.info/index.php?ct=12&view=city> (дата обращения: 15.08.2010).

Вишневский Е. Городок в лучах заката // Неизвестная Сибирь. 2002. № 14. С. 28–30.

Володарская Е. А., Разина Т. В. Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 1. С. 125–127.

Воспоминания Нины Малых // Проза.ру : [сайт]. 2017. 03 марта. URL: <https://www.proza.ru/2017/03/03/560> (дата обращения: 14.05.2021).

Время свободомыслия // Живой журнал : [сайт]. 2015. 17 июня. URL: <https://orionplus.livejournal.com/31697.html> (дата обращения: 14.05.2021).

Г. М. Общага у оврага // Академгородок-инфо : [сайт]. 2010. 10 дек. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=16> (дата обращения: 14.05.2021).

Гордиенко А. А. Новосибирский Академгородок – реликт «утраченного мира». Новосибирск : Ин-т философии и права, 2015. 355 с.

Дерибас А. А. Первый ребенок // Наука из первых рук : [сайт]. 2017. 19 мая. URL: <https://scfh.ru/lecture/pervyyu-/> (дата обращения: 14.05.2021).

Дерябина А., Назаренко Ю. Пили шампанское и кричали «ура!» // Советская Сибирь : [сайт]. 2019. 26 дек. URL: <http://www.sovsibir.ru/news/170050> (дата обращения: 15.08.2020).

Ермиков В. Д. Начинал как строитель... // И забыть по-прежнему нельзя... : сб. воспоминаний старожилов Академгородка. Новосибирск : [Б. и.], 2007. С. 20–21.

Жаркова Н. Шумы родного городка // Академгородок.info : [сайт]. 2008. 13 сент. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=10> (дата обращения: 15.08.2020).

Запороженко Г. М., Шелегина О. Н. «Сибирские академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю СО РАН // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). С. 237–250. DOI 10.31518/2618-9100-2019-3-19.

Заславская Т. И. Избранные произведения : в 3 т. М. : Экономика, 2007. Т. 3. 756 с.

Заславская Т. И. «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Докторов Б. Современная российская социология : в 9 т. М. : ЦСПиМ, 2012. Т. 2. С. 16–49.

Зверева Р. П. С памятью от раскаленной планеты // Открытый архив СО РАН : [сайт]. Фонд устной истории и воспоминаний. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu_kray_634993802507080078_6482&eid=Oh_0001_0314 (дата обращения: 15.08.2021).

Ибрагимова З. М., Притвиц Н. А. «Треугольник Лаврентьева». М. : Сов. Россия, 1989. 335 с.

Иванова А. Четыре концептуальных взгляда на новосибирский Академгородок // Наука в Сибири : [сайт]. 2012. № 2. URL: <http://www.sbras.info/printed/archive> (дата обращения: 15.08.2021).

Из истории Новосибирского научного центра / отв. ред. Г. С. Мигиренко. Новосибирск : [Б. и.], 1962. 207 с.

История музея // Интегральный музей-квартира Новосибирского Академгородка : [сайт]. URL: <https://www.integralmuseum.ru/istoriya-muzeya> (дата обращения: 15.08.2021).

Качан М. Как начинался Академгородок // Тайга-инфо : [сайт]. 2018. 9 дек. URL: <https://tauga.info/144009> (дата обращения: 15.08.2021).

Коллекции фонда Т. И. Заславской и М. И. Черемисиной // Открытый архив СО РАН : [сайт]. Фонд устной истории и воспоминаний. Семейная переписка.

URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_-31004 (дата обращения: 15.08.2021).

Кочина П. Я. Воспоминания. М. : Наука, 1974. 299 с.

Кочина П. Я. Я благодарна ему за Сибирь... // Век Лаврентьева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. С. 210–231.

Лаврентьев М. А. Люди первого набора // Век Лаврентьева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. С. 131–136.

Л. С. (1948 г. р., Алтайский край). Воспоминания // Архив авторов. Запись от 15 авг. 2021 г.

Марчук О. Н. Сибирский феномен. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997. 236 с.

МУ Горархив – Муниципальное управление «Новосибирский горархив». Ф. 33. Д. 16.

Нагорянский Ю. Академгородок, его дома и магистрали // Юный техник. 1963. № 6. С. 32–35.

Олли И. А., Романова Н. Д. От первого лица // Годы молодые : док. фильм // Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка : [сайт]. 2016. 05 февр. URL: <https://www.integralmuseum.ru/blank-qr49f> (дата обращения: 15.08.2021).

Петров А. К. Академ 1960-х: «отцы» и «дети» // Наука из первых рук : [сайт]. 2017. № 4. С. 15–16. URL: <https://scfh.ru/papers/akadem-1960-kh-ottsy-i-deti/> (дата обращения: 15.08.2021).

Притвиц Н. Дальневосточный ученый // Наука в Сибири. 2002. № 26–27. 5 июля. С. 8.

Притвиц Н. А. Столицы опустели ныне... // Наука из первых рук : [сайт]. 2017. 04 мая. URL: <https://scfh.ru/papers/stolitsy-opusteli-nyne/> (дата обращения: 16.08.2021).

Рыцарева С. Веселая летопись Академгородка // Академгородок-инфо : [сайт]. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=15> (дата обращения: 16.08.2021).

Сибирь: великий эксперимент : док. фильм. BBC, 1966 // Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка : [сайт]. Архив. 2020. URL: <https://www.integralmuseum.ru/arhiv> (дата обращения: 16.08.2021).

Трофимук А. А. Главный геолог. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2002. 330 с.

Шестакова В. «Делали все на коленках»: жизнь ученых-диссидентов в новосибирском Академгородке // Тайга-инфо : [сайт]. 2019. 10 окт. URL: <https://tauga.info/149350> (дата обращения: 16.08.2021).

Gestwa K. Der Sovjetmensch // Osteuropa. 2018. Jg. 68. H. 1–2. S. 55–82.

Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt. München : Beck Verlag, 2017. 912 S.

References

Aganbegyan, A. G. (2014). Tat'yana Zaslavskaya – Uchenyi s bol'shoi bukvoy [Tatyana Zaslavskaya – A Prominent Scientist]. In *EKO*. No. 5, pp. 5–14.

Anisimova, A. (2006). Ulitsy v litsakh [The Faces of Streets]. In *Akademiya novostei* [website]. June 27. URL: <https://academ.info/news/4589> (accessed: 15.08.2021).

Baba Vera (2004). In *Akademgorodok.info* [website]. May 24. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=14> (accessed: 15.08.2021).

Deribas, A. A. (2017). Pervyi rebenok [First Child]. In *Nauka iz pervykh ruk* [website]. May 19. URL: <https://scfh.ru/lecture/pervyy/> (accessed: 14.05.2021).

Deryabina, A., Nazarenko, Yu. (2019). Pili shampanskoe i krichali „ura!” [We Drank Champagne and Shouted “Hurrah!"]. In *Sovetskaya Sibir* [website]. Dec. 26. URL: <http://www.sovsibir.ru/news/170050> (accessed: 15.08.2021).

Ermikov, V. D. (2007). Nachinal kak stroitel'... [I Started as a Builder...]. In *I zabyt' po-prezhnemu nel'zya... Sbornik vospominanii starozhilov Akademgorodka*. Novosibirsk, S. n., pp. 20–21.

G. M. (2010). Obshchaga u ovrage [A Hostel in the Ravine]. In *Akademgorodok-info* [website]. Dec. 10. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=16> (accessed: 14.05.2021).

- Gestwa, K. (2018). Der Sovjetmensch. In *Osteuropa*. Jg. 68, H. 1–2, pp. 55–82.
- Gordienko, A. A. (2015). *Novosibirskii Akademgorodok – relikht „utrachennogo mira“* [Novosibirsk Akademgorodok – a Relict of a “Lost World”]. Novosibirsk, Institut filosofii i prava. 355 p.
- Ibragimova, Z. M., Pritvits, N. A. (1989). “*Treugol'nik Lavrent'eva*” [Lavrentiev's Triangle]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 335 p.
- Istoriya muzeya [History of the Museum]. (2012). In *Integral'nyi muzei-kvartira Novosibirskogo Akademgorodka* [website]. URL: <https://www.integralmuseum.ru/istoriya-muzeya> (accessed: 15.08.2021).
- Ivanova, A. (2012). Chetyre kontseptual'nykh vzglyada na novosibirskii Akademgorodok [Four Conceptual Views on the Novosibirsk Akademgorodok]. In *Nauka v Sibiri* [website]. No. 2. URL: <http://www.sbras.info/printed/archive> (accessed: 15.08.2021).
- Kachan, M. (2018). Kak nachinalsya Akademgorodok [How the Akademgorodok Started]. In *Taiga-info* [website]. Dec. 9. URL: <https://taiga.info/144009> (accessed: 15.08.2021).
- Kochina, P. Ya. (1974). *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Nauka. 299 p.
- Kochina, P. Ya. (2000). Ya blagodarna emu za Sibir'... [I am Grateful to Him for Siberia...]. In *Vek Lavrent'eva*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 210–231.
- Kolleksii fonda T. I. Zaslavskoi i M. I. Cheremisinoi [Collections of the T. I. Zaslavskaya and M. I. Cheremisina Foundation]. (N. d.). In *Otkryti arkhiv SO RAN* [website]. Fond ustnoi istorii i vospominanii. Semeinaya perepiska. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_31004 (accessed: 15.08.2021).
- L. S. (1948 g. r., Altaiskii krai). *Vospominaniya* [L. S. (b. 1948, Altai Region). Memories]. (2021). In *Arkhiv avtorov*. August 15.
- Lavrentiev, M. A. (2000). Lyudi pervogo nabora [The People of the First Enrolment]. In *Vek Lavrent'eva*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 131–136.
- Marchuk, O. N. (1997). *Sibirskii fenomen* [Siberian Phenomenon] Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 236 p.
- Migirenko, G. S. (Ed.). (1962). *Iz istorii Novosibirskogo nauchnogo tsentra* [From the History of the Novosibirsk Scientific Centre]. Novosibirsk, S. n. 207 p.
- MU Gorarkhiv – Munitsipal'noe upravlenie “Novosibirskii gorarkhiv”* [“Novosibirsk City Archive” Municipal Institution]. Stock 33. Dos. 16.
- Nagoryanskii, Yu. (1963). Akademgorodok, ego doma i magistrali [Akademgorodok, Its Buildings and Highways]. In *Yunyi tekhnika*. No. 6, pp. 32–35.
- Olli, I. A., Romanova, N. D. (2016). Ot pervogo litsa [From the First Person]. In *Gody molodye. Dokumental'nyi fil'm* [Younger Years. A Documentary]. In *Integral'nyi muzei-kvartira povsednevnosti Akademgorodka* [website]. Febr. 5. URL: <https://www.integralmuseum.ru/blank-qy49f> (accessed: 15.08.2021).
- Petrov, A. K. (2017). Akadem 1960-kh: “ottsy” i “deti” [The Academia of the 1960s: “Fathers” and “Sons”]. In *Nauka iz pervykh ruk*. No. 4, pp. 15–16. URL: <https://scfh.ru/papers/akadem-1960-kh-ottsy-i-deti/> (accessed: 15.08.2021).
- Pritvits, N. (2002) Dal'nevostochnyi uchenyi [The Far Eastern Scientist]. In *Nauka v Sibiri*. No. 26–27. July 5, p. 8.
- Pritvits, N. A. (2017). Stolitsy opusteli nyne... [The Capitals Are Now Deserted...]. In *Nauka iz pervykh ruk* [website]. May 4. URL: <https://scfh.ru/papers/stolitsy-opusteli-nyne/> (accessed: 16.08.2021).
- Rytsareva, S. (2020). Veselaya letopis' Akademgorodka [A Cheerful Chronicle of Akademgorodok]. In *Akademgorodok-info* [website]. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=15> (accessed: 16.08.2021).
- Schlögel, K. (2017). *Das sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt*. München, Beck Verlag. 912 S.
- Shestakova, V. (2019). “Delali vse na kolenkakh”: zhizn' uchenykh-dissidentok v novosibirskom Akademgorodke [“They Sketched on the Back of an Envelope”: The Life of Dissident Scientists in the Novosibirsk Akademgorodok]. In *Taiga-info* [website]. Oct. 10. URL: <https://taiga.info/149350> (accessed: 16.08.2021).

Sibir': velikii eksperiment. Documental'nyi fil'm. BBC, 1966 [Siberia: The Great Experiment. Documentary. BBC, 1966]. (2020). In *Integral'nyi muzei-kvartira povsednevnosti Akademgorodka* [website]. URL: <https://www.integralmuseum.ru/arhiv> (accessed: 16.08.2021).

Trofimuk, A. A. (2002). *Glavnyi geolog* [Chief Geologist]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 330 p.

Veblen, T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* [Leisure Class Theory]. Moscow, Progress. 368 p.

Vek Lavrent'eva [The Age of Lavrentiev]. (2000). Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 453 p.

Vil'tok, Ya. (2010). Pervyi malysh Akademgorodka [The First Baby of Akademgorodok]. In *Nash gorodok* [website]. Dec. 2. URL: <http://academgorodok.info/index.php?ct=12&view=city> (accessed: 15.08.2021).

Vishnevskii, E. (2002). Gorodok v luchakh zakata [The Town at Sunset]. In *Neizvestnaya Sibir'*. No. 14, pp. 28–30.

Vizit frantsuzov v Akademgorodok [A French Visit to Akademgorodok]. (2020). In *Novosibirskii gorodskoi fotozhurnal* [website]. URL: https://vk.com/video-10392020_171038433 (accessed: 15.08.2021).

Volodarskaya, E. A., Razina, T. V. (2017). Obraz zhenshchiny-uchenogo v izobrazitel'nom iskusstve SSSR kak otrazhenie gendernogo neravenstva v nauke [The Image of a Woman Scholar in the Fine Arts of the USSR as a Reflection of Gender Inequality in Science]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. Vol. 8. No. 1, pp. 125–127.

Vospominaniya Niny Malykh [Memoirs of Nina Malykh]. (2017). In *Proza.ru* [website]. March 3. URL: <https://proza.ru/2017/03/03/560> (accessed: 14.05.2021).

Vremya svobodomyслиya [The Time of Freethinking]. (2015). In *LiveJournal* [website]. June 17. URL: <https://orionplus.livejournal.com/31697.html> (accessed: 14.05.2021).

Zaporozhchenko, G. M., Shelegina, O. N. (2019). "Sibirskie akademiny": zhenshchiny-uchenyne, voshedshie v istoriyu SO RAN ["Siberian Academicians": Women Scientists Who Entered the History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. In *Istoricheskii kur'er*. No. 3 (5), pp. 237–250. DOI 10.31518/2618-9100-2019-3-19.

Zaslavskaya, T. I. (2007). *Izbrannye proizvedeniya v 3 t.* [Selected Works. 3 Vols.] Moscow, Ekonomika. Vol. 3. 756 p.

Zaslavskaya, T. I. (2012). "Ya s detstva znala, chto samoe interesnoe i dostoinoe zanyatie – eto nauka" ["I Knew from Childhood That the Most Interesting and Worthy Occupation is Science"]. In Doktorov, B. *Sovremennaya rossiiskaya sotsiologiya v 9 t.* Moscow, TsSPiM. Vol. 2, pp. 16–49.

Zharkova, N. (2008). Shumy rodnogo gorodka [Hometown Noises]. In *Akademgorodok-info* [website]. Sept. 13. URL: https://filosofiya/berdyayev/berdyayev_novoe_rel_sozn/02/ (accessed: 15.08.2021).

Zvereva, R. P. (2003). S pamyat'yu ot raskalennoi planety [With a Memory from a Hot Planet]. In *Otkrytyi arkhiv SO RAN* [website]. Fond ustnoi istorii i vospominanii. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu_kray_63499380250708007_8_6482&eid=Oh_0001_0314 (accessed: 15.08.2021).

The article was submitted on 09.01.2021